

В статье на основе анализа источников выявлены основные сюжеты и проблемы советской повседневности периода 1918–1920 гг., интересовавшие русскую эмиграцию. Рассматриваются факторы, влиявшие на ее восприятие.

Ключевые слова: русская эмиграция; Советская Россия; военный коммунизм; советский быт; повседневность; обыденность.

Based on the analysis of sources, the article reveals Russian emigrant's perception of Soviet everyday life in 1918-1920. The author examines the factors that influenced this perception.

Keywords: Russian emigration; Soviet Russia; military communism; Soviet everyday life.

А. В. Урядова

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: koukouch@mail.ru*

Советская повседневность (1918–1920 гг.) в восприятии русской эмиграции

Научная статья

A. V. Uriadova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Soviet Everyday Life (1918-1920) in Perception of Russian Emigration

Scientific article

Анализ источников эмигрантского происхождения позволяет выявить проблематику, которой интересовались русские, проживавшие за границей. Одной из сфер их интереса была повседневная жизнь людей в России. Изучение материала по данной теме позволяет выявить три фактора, которые в наибольшей степени влияли на восприятие эмиграцией российской действительности. В частности, это время, география и социальное положение людей. Безусловно, не последнюю роль играла и личность автора описаний.

Начнем с одновременных оценок. Если сравнить описания быта 1918–1920 гг., периода нэпа и середины 1930-х гг., они будут разительно отличаться, как, собственно, отличалась и жизнь в Советской России/СССР. Особенно интересно изучение периодов, контрастирующих с предыдущими (военный коммунизм, нэп). Для данной статьи были выбраны первые годы советской власти (1918–1920 гг.). В представлении большинства эмигрантов, привыкших к жизни в России прежней, это был настоящий «ад», разрушение всех жизненных устоев, бессмысленное разорение и уничтожение страны.

Что касается географии, здесь есть два среза: город или деревня (их величина) – и собственно в какой части страны расположен описываемый объект. Повседневная жизнь городских и сельских жителей всегда различалась. По мнению некоторых эмигрантов, после революции отличия стали еще рельефнее, хотя описание быта советской деревни изучаемого периода встречается крайне редко.

Региональный фактор тоже важен. Так, например, западные районы в наибольшей степени ощутили влияние Первой мировой войны, поэтому во второй половине 1918 г. многие боялись немецкого вторжения; часть территорий оказалась театром действий войны Гражданской, что также меняло быт людей; если говорить, например, о продовольственном достатке, то в южных, черноземных районах в 1918 г. были продукты, тогда как в центральных районах, особенно в крупных городах, ощущалась их острая нехватка.

Что касается авторства, здесь важно не столько, к какой социальной группе человек относился, не его происхождение, сколько то, как давно он покинул Россию, были ли сведения о ней его

личными или полученными от кого-то, прочитанными в периодике. Источник информации влиял на ее полноту и достоверность. На оценку ситуации косвенно накладывали отпечаток те обстоятельства, при которых эмигрант оказался за рубежом, а также партийная принадлежность, политические и экономические взгляды автора.

Важен и социальный срез, о котором идет речь в источнике. Чаще всего водораздел проходил по линии «власть предрежащий» или «простой гражданин», но выделяются и отличия в жизни «бывших» и нынешних хозяев жизни. Есть и такие разделения, как крестьянин, пролетарий, советский чиновник, партработник (комиссар), интеллигент.

Проблемы повседневной жизни на родине интересовали эмигрантов. Частично о жизни при большевиках эмигранты узнавали из советских источников. Но главным источником информации были приезжавшие из Советской России и письма, приходившие оттуда.

Каковы были каналы трансляции сведений из России в эмиграции? Во-первых, «сарафанное радио», передача из уст в уста, обрастающая с каждым разом все большими подробностями, о чем мы можем судить только из вторичных источников (личных дневниковых записей, воспоминаний о каком-то разговоре и т. д.). Во-вторых, периодика и отдельные книжные публикации. Конечно, тема советской повседневности не выносилась на первые полосы газет, но она достаточно полно отражена в газетно-журнальных зарисовках, публицистике, фотографиях. По форме это могли быть как описательные, так и аналитические работы, карикатуры, фельетоны, басни.

Если письма содержали сведения о жизни отдельных конкретных людей, то в массовых источниках речь шла о жизни советских граждан в целом: что, где и какого качества они покупают, где лечатся, что читают, чем интересуются, чему учат детей, как обстоят дела с работой, чем занимаются в свободное время. Эти и многие другие вопросы поднимались в русских зарубежных публикациях. Эмигранты не просто констатировали факты, они высказывали свое эмоциональное отношение к ним, часто сравнивая советскую жизнь с дореволюционной, жизнь советских граждан разных социальных групп друг с другом, анализируя развитие ситуации в различные периоды советской истории.

Писатель-эмигрант А. Амфитеатров, в 1918–1920 гг. живший в Петрограде, полагал, что русская зарубежная печать иногда «перебарщивает» с обли-

чительной сенсацией советской жизни. «Признаюсь, – писал он, – что иногда ее изобилие наводило на нас, петроградских пленников, некоторое уныние и досаду <...> Эксцессы кабалы пожирала единицы, десятки, сотни, – допустим, иной раз даже тысячи жертв, а постоянное мелочное существо ее пожирало миллионы» [1, с. 2]. По его мнению, не какие-то эксцессы приводили к сокращению численности населения, а именно обыденность (голод, холод и т. д.).

Проанализировав источники, в которых есть описание советской обыденности 1918–1920 гг., можно выделить два основных блока проблем, которые интересовали русских эмигрантов: это собственно сами люди и то, как они жили.

Интересны описания внешнего вида советских людей. Писатель-эмигрант В. Завадский отмечал, что в одежде царствовал защитный цвет, что придавало людям «унылый однообразный вид». По сравнению с дореволюционной, «толпа была новая, непривычная; это не была старая, знакомая публика, где всякого можно было поставить на свое место: это педагог, это коммерсант, это иностранец, это шулер. Произошло что-то, что всех изменило. Походка у всех стала быстрая и решительная. Видимо, люди хорошо знали, куда бегут и зачем бегут. Женщины были одеты плохо, многие из них были накрашены и на ходу размахивали руками. Бросалось в глаза отсутствие стариков, преобладал молодой и зрелый возраст, детей тоже было мало <...> В большинстве прохожих угадывались советские служащие – озабоченные, смиренные, голодные» [2, с. 112].

В целом отмечается общее обнищание на фоне определенного обогащения комиссаров и чиновничества. Способами обогащения последнего называются взяточничество, воровство, официальные и неофициальные (а по простому грабеж) реквизиции, спецраспределение. Вот, например, как описывается одно из советских впечатлений: «Вообще стали появляться разные лица: приятные и неприятные. Неприятные искали оружие, грозили арестом, шантажировали, плевали на пол и сморкались в руку» [3, с. 52].

А. Амфитеатров по разговорам выделял среди прохожих три категории: 1) «категория ляскания голодными зубами» (говорят о еде и где ее достать); 2) «категория шкурного перепуга» (о следствии, допросах, арестах, чека, обысках); 3) «категория жизни с глазами, зажмуренными на действительность» (разговоры о театре, кино, спевках, репетициях).

В. Завадский особо выделял в толпе «власть предержажших». Для него их вид был необычен: их отличали хорошая одежда (порой с диким смешением стилей), драгоценности и оружие: «...Много молодых людей в пышных френчах и новеньких рейтузах. У некоторых небрежно свисал из кармана револьверный шнур. Другие носили шашки, кортики; все звенели шпорами. У многих было столько колец, что не сгибались пальцы. Это были местные правители. Они чинно ходили по улицам, подавленные, видимо, собственной значимостью» [2, с. 51]. Речь идет о небольшом уездном городке Могилевской губернии. Проходя по городу, он остановился перед витриной фотографа, которая, по его мнению, «была живым отражением эпохи». Здесь было множество фотографий тех персонажей, которые ему встречались в городе (в новой одежде, с оружием и драгоценностями) [2, с. 56-57]. Комиссары устраивали балы. «На этих ассамблеях комиссары старались щегольнуть новыми рейтузами, золотыми цепочками и, что считалось особенным шиком, высокими шнурованными ботинками». Их супруги старались затмить друг друга нарядами и драгоценностями. Одна из комиссарских дам явилась на бал, надев 11 колец, два браслета с изумрудами, брошку, пару сережек, черепаховый гребень со стразами и часы на длинной золотой цепочке. «Всякий, взглянув на этот блеск, знал, что это не кто-нибудь, а мадам Комлева, жена председателя местной чеки» [2, с. 80–81]. Особо отмечалось, что и жизненные условия у них значительно лучше и что, в отличие от остальных, едят нормально, а высокопоставленные комиссары получают и деликатесы.

У «старой» буржуазии, у тех, кто был побогаче, но не служил в советских учреждениях, одежду реквизируют.

В уездном городе Могилевской губернии, где какое-то время проживал В. Завадский, набирали добровольцев в Красную армию. Они уже имели совершенно иной вид: «Рота, подлежащая отправке <...> называлась <...> «дикой дивизией» <...> Вид у нее действительно был дикий; форменного платья не выдавалось, каждый ходил, в чем мог. На одних были зипуны, на других пиджаки, на третьих гимнастерки. Обувь была самая разнообразная – лапти, сапоги, штиблеты, часто очень порванные; на головах красовались папахи, картузы, жокейки; я даже видел один цилиндр и два котелка» [2, с. 68]. Один из эмигрантских журналов опубликовал, например, такую юмористическую загадку: «Начинается на букву «К», почти совсем

раздета и получает массу денег. Что это такое? Кокотка? Не угадали. Красная Армия» [4, с. 7–8]. Было и множество карикатур по этому поводу.

В целом же общая масса населения была одета бедно, новой одежды и обуви не выпускалось, старая изнашивалась. Родители перешивали одежду на детей: «Ученицы щеголяли в маминых ботинках, в ватерпруфчиках, перекроенных еще из бабушкиного приданого. Ученики носили удивительное сочетание из папиного жилета, старого одеяла, плюс еще оконная вата. В дело шли все тряпки. Отцы и матери со дна сундуков извлекали старый носильный хлам; все пересматривалось, переделывалось для молодого поколения. Так как не было и ниток, распускали старые чулки и вязаные скатерти» [2, с. 74].

Но даже далеко не все жили и в таких условиях. Размеры беспризорности в Советской России привели к тому, что эмигрант В. М. Зензинов посвятил ей отдельную книгу [5]. В ней описываются и сами беспризорники, и условия их жизни. Автор полагал, что они являются неотъемлемой чертой современного советского города.

Второй не менее часто встречающийся сюжет – изменение облика городов, сел, жизни людей в целом.

Отмечается грязь, запустение, разрушения повсюду. В. Завадский, возвращавшийся летом 1918 г. из немецкого плена, так описывает первую российскую станцию, на которой остановился поезд: «Тут уже все было другое, даже воздух. Скверно запахло невычищенными уборными. На путях валялись порванные газеты, старые бинты, обрывки рогож, окурки, шелуха от семечек» [2, с. 5]. Москва также произвела на него печальное впечатление. Поезд прибывал на Брестский вокзал. «Он был грязен и запущен, как и все остальные» [2, с. 17].

А. Амфитеатров описывает Петроград: «... Его можно принять за город, трижды, четырежды переходивший из рук в руки враждебных армий. В нем не было больших пожаров <...> И, однако, проспекты и линии <...> дают вам зрелище именно пожарища, растянутого на целые версты. Мусор, остовы фундаментов, осыпающиеся печи и трубы. Революция уже три года не гремит оружием в черте столицы, а площади пожарища, чем бы застраиваться и уменьшаться, растут и множатся. Петроградские руины, в громадном большинстве созданы, действительно, работаю огня. Но не тою, что выхывает черные или огненные шары на вышках

частей и бешеную скачку по улицам пожарных машин <...> Деревянный Петроград весь сгорел, изломанный на топливо» [1, с. 54–55].

С отсутствием топлива была связана и вырубка деревьев в городских парках, что также меняло облик города. Разрушался и каменный Петроград. «После двух лет зловещих предостерегающих признаков, которые все видели, но на которые никто не обращал внимания, начались обвалы обветшавших без ремонта домов». Советские учреждения переезжали из здания в здания, как только те приходили в негодность. Аналогично происходило и с вселением самих большевиков в чужие квартиры, чьих хозяев либо выселяли, либо уплотняли.

По поводу уплотнения один из эмигрантских журналов напечатал такую советскую частушку:

Все в России уплотнилось,
Как в гробах покойники
Мы с женой в комод легли,
Теща в рукомыльнике [6, с. 105].

Но иногда рабочих селили и в просторные квартиры «старой» буржуазии. Хозяева помещений нередко сами намеренно их портили, чтобы жилье не досталось ни советским органам, ни рабочим. «Подобные уловки практикуются не из одной ненависти к большевикам, но еще более по опытной уверенности, что всякое помещение, захваченное большевиками, будет немедленно изгажено до нежилого состояния, а когда грязь, вонь и всяческая разруха сделаются несносными для самих захватчиков, они преспокойно переползут в новую даровую берлогу, а старую бросят на произвол судьбы в непоправимой обреченности на разрушение». А. Амфитеатров считал, что «вину в разрушении Петрограда надо возложить на пролетарское вселение в буржуазные квартиры. Рабочие очень неохотно шли в предлагаемые им княжеские дворцы и барские хоромы...». Большие пространства требовали отопления, а дров не было, ставили буржуйки, которые страшно коптели, но не могли прогреть большие пространства. Чтоб не ходить далеко, устраивали туалеты в ближайших комнатах. Со временем семья проникалась «отвращением к своему боярскому жилью и уходила обратно в привычный подвал, где «в тесноте да не в обиде», – буржуйка не только дымит да коптит, но и греет, и все житейское – рукой подать, и нет изящных вещей, которые требуют бережи. Перед уходом она, конечно, обдирает кожу и дорогую обивку с мебели, портьеры, гардины, волокла прочь, все что полюбилось и оказалось уносимым, и оставляла квартиру

в мерзости запустения, в точнейшем смысле этого слова». «Не знаю, – пишет далее А. Амфитеатров, – велик ли удар нанесли большевики выселением аристократии и большой буржуазии, но пользы пролетариату не принесли ни малейшей, а свинство развели великое» [1, с. 165–168].

Особо тягостное впечатление на него производила громадная запустевшая торговая площадь между Фонтанкой и Садовой, вплоть до Сенной. «Труп мертвой торговли лежит на зелени густо поросших травой проходов, нагой и безобразный. Жутко идти сквозь эту безгласную пустыню, которая когда-то была самым шумным и оживленным центром Петрограда. Бесконечные угрюмые ряды лавок, запертых на болты, но с выбитыми стеклами, с выломанными окнами, брошенные лабазы за железными ржавыми дверями и полное безлюдье, гробовая тишь, нарушаемая лишь скрипом оторванных ветром качающихся вывесок да время от времени грохотом упавшего где-нибудь с крыши железного листа. По галереям бегают отвратительного вида крысы, за ними охотятся бездомные бродяги-коты» [1, с. 172–173]. Н. В. Устрялов примерно теми же словами описывал Москву 1918 г.: «На город ложились смертные тени. Страшен бывал он особенно по ночам, тоскливым, жутким, пустынным. Но и днем – невесело. Москва замирала, холодела» [7, с.].

Холод был еще одной неизменной характеристикой советской жизни периода военного коммунизма. На топливо шло все, что можно: деревья из городских скверов, старые дома, заборы, антикварная мебель. Тепла не было в домах, школах. Большинство помещений отапливались буржуйками, которые «съедали» много топлива, но тепла давали мало.

Дрова получали по соответствующему разрешению после сбора определенных документов. Эта ситуация вызывала горестные шутки и в Советской России, нередко озвучивали ее и в эмиграции. Так, в газете «Руль» в разделе «Смех сквозь слезы в Советской России» был опубликован рассказ о цирковой репризе: «Бим является на сцене, засунув руки в карман, с поленом дров, болтающимся у него на шее. За ним плетется Бом с громадным, туго набитым мешком на спине. Публика их спрашивает, откуда они идут. Оказывается, что Бим только что получил дрова, полагающиеся гражданину РСФСР на зиму, а Бом тащит в мешке «бумаги», нужные для получения этого зимнего запаса» [8]. Или, например, карикатура А. Горкина под названием

«Советское топливо». На ней изображено много людей вокруг человека в постели. Отдельно два беседующих человека. «Доктор: Это родственники больного? Нет, это соседи: они узнали, что больной в страшном жару и пришли погреться подле него» [9, с. 10].

Было не только холодно, но и голодно. Несмотря на то что настоящий голод наступит только в 1921 г., эмигранты сообщают, что большинство людей в России недоело. Вот как, например, описывается жизнь Петрограда 1918 г.:

«Что мы там ели – вспомнить противно. Картофельную шелуху, овес, воблу, суп из селедочных головок, что приносили из общественных столовых.

- Черный, похожий на помои, часто со щепками от стволов одеревеневшей крапивы <...> а ели, ничего не поделаешь. А после воблы – воду ведрами пили. Пухли и дохли, как индюшата.

- А шелуху картофельную на касторке жарили и за хорошее блюдо считали <...>

- Хорошо, что вырвались оттуда <...> кроме голода, какой холод мы испытывали там. Вернешься со службы, а дома ноль градусов или еще холоднее. Делать ничего нельзя. Простыни влажные, ледяные. Ляжешь как есть, не раздеваясь, и все, что есть теплого, на себя тащишь» [2, с. 117].

Плохо дела с продовольствием обстояли и в Москве: «Сильно ощущался недостаток съестных припасов, и москвичи в поисках пропитания должны были пускаться в путешествия за пределы города. Большие магазины были закрыты. Зато на площади толпилось множество торговцев и торговок, продававших с лотков разные разности. Тут были зеленые яблоки, давленная клубника, гнилые абрикосы, шнурки для ботинок, квас, лимонад...» [2, с. 15–18]. Главной темой разговоров, как отмечают эмигранты, были продукты питания, в трамваях практически все ехали с мешками с картошкой и мукой.

В некоторых городах было чуть лучше с продовольствием, например в Киеве, да и то, что-то выдавалось по спецкарточкам, что-то можно было купить на рынке.

Зарплаты были небольшие, многие не работали, а, следовательно, их основным средством к существованию была распродажа своих вещей. Цены постоянно росли. Была инфляция. Эмигрантские издания помещали такие «шуточные» советские диалоги:

«1. – Когда иду на базар, у меня корзина тяжелее, чем когда иду с базара.

– Значит, вы на базаре продаете?

– Нет, покупаю, но на базар я несу пачку денег, а с базара те пустяки, которые можно на них купить.

2. – Вы знаете, он сторублевками сигары закуривает.

– Неужто такой кутила?

– Нет, просто это дешевле спичек» [10, с. 10–11].

А. Амфитеатров писал, что в Петрограде нищие на улице начинают считать подаяние с 500 рублей. Когда нищему подают сотенную бумажку, он бросает ее назад с каким-нибудь милым присловием вроде: «Побереги себе на гроб» [1, с. 32].

Там, где продукты были по доступной цене, тут же выстраивались очереди, также ставшие объектом шуток эмиграции. Вот такие «очередные» диалоги печатались в русских зарубежных издательствах: «Советский ученый получил командировку за границу. Жена его попросила что-нибудь привезти. Вернулся с пустыми руками. На вопрос жены: «Не было в магазинах товара?» – отвечал: «Ах, нет, товаров в витринах было сколько угодно, а вот очередь искал – нигде нет. Так и пришлось вернуться ни с чем» [11, с. 15]. Или другой диалог:

«– Вчера простоял в очереди целый день и получил только насморк.

– Счастливцев! Хоть что-нибудь получили в очереди...» [12, с. 10].

Торговцам закупаться было особо негде, поскольку новый товар не производился. К тому же у них постоянно что-то реквизировалось. Реквизиции – это тоже характерный признак того времени. Вот как писал В. Завадский по поводу одного из комиссаров: «Он не был даже очень злым человеком. Он имел одну слабость: реквизировать; это было его самое любимое слово; он его спрягал во всех временах и наклонениях» [2, с. 61]. Реквизиции проводились повсюду: и в деревне, и в городе.

Особое внимание уделяли эмигранты столицам. У А. Амфитеатрова есть произведение, которое так и называется «Повесть о великой разрухе». В ней он в том числе рассматривает вопрос о перенесении столицы из Петрограда в Москву. В этом он видит только вред обоим городам и их населению. «Петербург захудал, утратив из своего организма важные жизненные элементы <...> Наоборот, Москва, нисколько не подготовленная к возврату на свое допетровское положение, не осилила вместить ворвавшуюся в нее ново-правительственную опричнину, сопричастную ей военщину и обслуживающие их технические группы <...> Старая

Москва для этой неисчислимой и разношерстной орды оказалась тесною, а вновь строиться не имели ни времени, ни средств. И вот, будучи не в состоянии раздаться еще вширь, бедная белокаменная под напором внешнего внедрения треснула изнутри по всем швам. С падением самодержавия, с гибелью династии <...> Петроград остался, так сказать, бесхозяйственным помещьем и, как всякое бесхозяйственное имущество, должен был естественно быстро пойти к упадку и разорению. Тем более что из водворившихся на выморочном владении опекунов, первый, Временное Правительство, оказался хозяином неспособным и нерадивым, а второй, Советская власть, повела себя прямо-таки грабителем <...> Таким образом, Петроград был обречен на «умертвление» <...> Жутко было смотреть, еще тяжело теперь вспоминать, что мы, слабовольные россияне, допустили сделать с нашею красавицей столицей <...> Пред глазами так и стоит – безмерное мертвенное привидение – опустошенный, разоренный Петроград, с улицами-пустырями, с кошмарными призраками домов-развалин» [1, с. 159].

Особо эмигранты поднимали вопрос о переименованиях улиц и городов, об аббревиатуре советских учреждений. Это кажется им бессмысленным, поскольку новые названия «не прививаются», люди не понимают ни о каких улицах идет речь, ни о каких заведениях. В эмигрантских газетах и журналах помещались шутки по поводу этого «сокращенного советско-русского языка»: «Как расшифровывается РСФСР? «Редкий случай феноменального сумасшествия России» [4, с. 10], «Русская совершенно фантастическая спекулятивная республика», «Русскому сняли фуражку, снимут и рубашку»; ВСНХ – «Воруй скорей, нет хозяйки» [8]. В этих расшифровках, как видим, отражены и основные проблемы Советской России того времени. Еще один курьезный, с точки зрения эмигрантов, факт – добавление к названиям большинства предприятий слова «красный». В этой связи родилась такая шутка: артель, производящая синьку, названа «Красная синька» [11, с. 32].

Далеко не всегда эмигранты описывали советский быт и повседневность «в черных красках». Как правило, положительные отзывы встречаются у тех, кто «симпатизировал» советской власти,

например Н. В. Устрялов в книге «Россия (у окна вагона)» [7]. Были и такие, кто при общем отрицательном отношении и резкой критике жизни в России, каким-то отдельным моментам советской жизни давали положительную оценку. Так, например, В. В. Завадский отмечал гораздо больший (чем в его время) интерес детей младшего и среднего возраста к учебе, их тягу к знаниям, в чем немаловажное значение отводил созданию трудовой школы, советским реформам в образовании [2, с. 73–74].

Русские, эмигрировавшие из России, призывали помочь тем, кто остался на родине. Они видели, что многие их соотечественники становятся равнодушными, их потребности сводятся к нулю. Появилась «новая» советская буржуазия, которой было не выгодно свержение большевиков. Власть крепла. Дело было не только или не столько в силовых методах большевиков. Обыватели потеряли веру, смирились с действительностью, а, следовательно, без поддержки из-за границы, скорее всего, были обречены на моральную смерть – сотрудничество с большевиками.

Ссылки

1. Амфитеатров А. Горестные Заметы. Очерки красного Петрограда. Берлин, 1922. 220 с.
2. Корсак В. У красных. Париж, 1930. 163 с.
3. Марк Г-ъ. Больше правды, чем фантазии. Париж, [1919]. 65 с.
4. Бич: Еженедельный журнал политической сатиры. Париж, 1920. № 1.
5. Зензинов В. М. Беспризорные. Париж, 1929. 327 с.
6. Балагур: Русский календарь. Рига, 1930. 112 с.
7. Устрялов Н. В. Россия (у окна вагона). Харбин, 1926. 53 с. URL: http://dugward.ru/library/ustralov/ustralov_rossia.html (дата обращения: 30.01.2018).
8. Руль. 1920. 25 ноябр.
9. Бич. 1920. № 11.
10. Бич. 1920. № 6.
11. Антисоветские анекдоты. Борьба народной пропаганды с большевистской. Буэнос Айрес, [195?]. 72 с.
12. Бич. 1920. № 3.